

Наталья Павлицева

Анна НЕУМИРАЮЩИЙ
Павлова ЛЕБЕДЬ

Романтический бестселлер. Женские истории

Наталья Павлищева

**Анна Павлова.
«Неумирающий лебедь»**

«Яуза»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Павлищева Н. П.

Анна Павлова. «Неумирающий лебедь» / Н. П. Павлищева —
«Яуза», 2018 — (Романтический бестселлер. Женские истории)

ISBN 978-5-9500752-8-5

«Преследовать безостановочно одну и ту же цель – в этом тайна успеха. А что такое успех? Мне кажется, он не в аплодисментах толпы, а скорее в том удовлетворении, которое получаешь от приближения к совершенству. Когда-то я думала, что успех – это счастье. Я ошибалась. Счастье – мотылек, который чарует на миг и улетает». Невероятная история величайшей балерины Анны Павловой в новом романе от автора бестселлеров «Княгиня Ольга» и «Последняя любовь Екатерины Великой»! С тех самых пор, как маленькая Анна затаив дыхание впервые смотрела «Спящую красавицу», увлечение театром стало для будущей величайшей балерины смыслом жизни, началом восхождения на вершину мировой славы. Тогда и начинался ее роман с балетом, ставший для нее и реальностью, и мечтой, и совершенством. Высокий рост и худоба балерины не отвечали идеалам публики, но воздушный парящий прыжок и чарующая грациозность движений сделали ее танец уникальным. Ею восторгались и ей завидовали, посвящали стихи и живописные полотна, она родилась, чтобы танцевать, а роли Жизели, Никии и Лебеда золотыми буквами вписали ее имя в анналы мирового искусства.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9500752-8-5

© Павлищева Н. П., 2018

© Яуза, 2018

Содержание

Монастырь Терпсихор	10
Расту, я расту!	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Павлищева

Анна Павлова. «Неумирающий лебедь»

© Павлищева Н.П., 2018

© ООО «Яуза-каталог», 2018

Представлять Анну Павлову не надо.

Кто же не помнит ее знаменитого «Умирающего лебедя»?

Самая известная русская балерина XX века.

И все-таки мы почти ничего не знаем о ней. Киносъемка ее выступлений не проводилась, а множество фотографий, согласно воспоминаниям ее современников, не передают очарования танца и личности Анны Павловой.

Многие ли знают, что Анна Павлова была в числе пяти представителей забастовочного комитета Мариинского театра на переговорах с администрацией во время революционных событий 1905 года?..

Однажды она исполняла танец с живой змеей на руке (змее понравилось), за плохо выполненную поддержку вlepила партнеру пощечину прямо на сцене...

Во время какого-то «корпоратива» в Лондоне появилась из корзины с розами (были нужны деньги).

Павлова дружила с Чарли Чаплином (по слухам, актер был даже влюблен в балерину).

А лебедь, обвинивший ее шею на знаменитой фотографии, – настоящий, он следовал за хозяйкой, как собачонка.

Еще сложнее с личной жизнью балерины. Если о ролях, таланте, мастерстве, одухотворенности танца рассказали многие, то о ее жизни вне сцены – почти ничего, а в том, что сказано, выдумки больше, чем правды.

Сама Павлова написала краткую биографию, в которой все до поступления в Театральное училище больше похоже на сказку. Но если ей хотелось, чтобы воспринимали так, это ее право.

Разве столь важно, каким в действительности было отчество – Павловна или Матвеевна? Была ее мама прачкой или владелицей прачечной? А отец отставным солдатом или все же банкиром?

Был ли Виктор Дандре ее венчанным или только гражданским мужем? Действительно ли Павлова обладала весьма трудным характером, была страшно задиристой и капризной, и какими были ее последние слова?

Настоящей Анна Павлова была только на сцене, а ее сценические образы хорошо известны, хотя и не запечатлены на пленке.

Поверим ее современникам – никто лучше Анны Павловой не танцевал «Умирающего лебедя». Благодаря ей этот номер стал поистине бессмертным – «Неумирающим лебедем».

Официальная биография Анна Павловой сообщает, что она дочь прачки и отставного солдата и отчество имела Матвеевна. Сама Анна предпочитала называться Павловной и рассказывала о нищете семьи: «...мы были бедны, очень бедны...»

Конечно, отчество и материальное положение семьи далеко не главное в судьбе Анны Павловой, главное – ее танец, ее искусство перевоплощения на сцене. Умение задеть душевные струны у зрителей и сыграть на них мелодию любви.

Но так уж устроены поклонники, они желают знать о своих кумирах как можно больше и вне сцены. Тут исследователей поджидают сюрпризы.

Многие нестыковки биографии божественной Анны Павловой бросаются в глаза сразу.

Клеймо незаконнорожденной в XIX веке было серьезным препятствием, особенно для девушки. Возможно, потому мать Анны Любовь Федоровна обвенчалась с отставным солдатом

Матвеем Павловым. Вместе они никогда не жили. Сама Анна утверждала, что отец умер, когда ей было всего два года, но документы сообщают другое – Матвей Павлов прожил достаточно долго, но «дочерью» не интересовался.

Не будем разбирать версии об отце-банкире или владельце той самой прачечной, в которой якобы работала мать Анны. Никто не выбирает себе ни родителей, ни место рождения.

Но по поводу вопиющей бедности можно возразить.

Считается, что после рождения маленькая Нюра жила у бабушки в деревне Лигово под Санкт-Петербургом. Лигово давным-давно район многоэтажек, а тогда действительно было деревней. А вот домик Аниной бабушки впечатляет. На фотографии не трехэтажные хоромы, но далеко не покосившаяся избушка. Прекрасное крепкое бревенчатое строение, таких у «очень бедных» семей не бывает.

В воспоминаниях самой Павловой так часто встречаются нестыковки, что их лучше читать «через строчку», памятуя, что это сказка балерины о самой себе. Гениальность танца самой Анны Павловой это ничуть не умаляет.

Пример? Павлова рассказывает о бедности семьи: «мы были бедны, очень бедны...», и тут же следует фраза о свежем снежке, скрипящем под полозьями их (!) саней по пути в театр. На дровнях к Мариинскому театру не ездили, следовательно, сани были приличные. Не конка, не извозчик, а сани, экипаж. Собственный? Оговорка по Фрейду. Вот в воспоминаниях Тамары Карсавиной конка присутствует, а у Павловой нет. Не пользовалась?

Когда Анна поступила в училище (нынешняя Академия Русского балета тогда была просто отделением Театрального училища, туда проводили общий прием и только за пару лет до выпуска окончательно распределяли, кто будет петь, а кто танцевать), она, как и все остальные ученицы, первый год была «своекоштной», то есть на занятия приходила из дома. Только убедившись, что из первоклашек будет толк, девочек и мальчиков на втором году обучения принимали на казенное содержание, и то не всех, например, Матильда Кшесинская до конца обучения так и оставалась приходящей.

Это означало, что целый год маленькую Аню привозили по утрам и увозили вечером. Лигово находится в южной части Санкт-Петербурга, а Театральная улица (ныне улица Зодчего Росси) в центре, само училище совсем рядом с Невским проспектом позади Александринского театра. Не меньше тридцати километров, пешком не пройдете, к тому же зимой в Питере светает поздно, а темнеет рано. На извозчике дорого.

Снимать жилье в районе Театральной улицы не могли позволить себе даже многие состоятельные люди, следовательно, мама свою Нюру все же откуда-то возила, пусть и не из Лигово. Но когда же она работала прачкой? Кстати, зарплата прачки не позволила бы ей не только ездить на извозчике, но и снимать комнату в пределах досягаемости. Несколько лет спустя Тамара Карсавина, отнюдь не жаловавшаяся на бедность своей семьи, тратила на дорогу до училища более часа, они с отцом (Карсавин преподавал в училище) ездили на конке, трамваи в Санкт-Петербурге еще не ходили.

А уж о билетах на спектакль в Мариинский театр прачка и вовсе едва ли могла мечтать. В те годы прислуга в Петербурге получала от 1,5 рубля до 3 рублей в месяц. Едва ли прачка зарабатывала больше ловкой горничной. А билет в Мариинку на самый последний ряд галерки стоил 60 копеек. Плюс извозчик... и месячной зарплаты прачки как не бывало.

Но главное – своекоштной ученице требовалось заплатить «всего-то» 300 рублей серебром за первый год обучения! Тамара Карсавина вспоминала, что за ее обучение платила родственница (а ведь Карсавины совсем не бедствовали), но потом между родственниками произошла какая-то ссора, и за последние два года оплаты уже не было. Тем не менее талантливую девушку не отчислили (или заплатил кто-то другой?).

Карсавина училась на пару лет позже Павловой, вероятно, и от матери Ани требовали такую же сумму – совершенно немыслимую для прачки!

Правда, есть те, кто утверждает: Любовь Федоровна Павлова была не прачкой, а владелицей прачечной. Даже в таком случае ей было трудно содержать дочь до перехода на казенный кошт, но это уже больше похоже на правду.

Жизнь после училища затуманена не меньше. Чтобы понять это, придется пробиться сквозь немыслимое нагромождение оговорок, недомолвок, а то и лжи. Не со стороны самой Анны Павловой, та просто скрывала, не желая выставлять свою жизнь напоказ, но со стороны многочисленных «исследователей» ее биографии.

Взять хотя бы адреса, по которым Павлова жила в Петербурге. Общеизвестны два – само училище на Театральной улице (ныне улица Зодчего Росси) и «Дом-сказка» на пересечении Английского проспекта и Офицерской улицы (сейчас улица Декабристов).

Называют еще Коломенскую, но почему-то дом номер 26, Надеждинскую (улица Маяковского), дом 3 и Свечной переулок, дом 1. Мемориальная доска висит на «Доме-сказке» и на Итальянской, 5, где была квартира ее гражданского супруга барона Виктора Дандре.

И тут начинаются «чудеса».

Адресные книги Санкт-Петербурга утверждают, что Любовь Федоровна Павлова и ее дочь Анна в 1899 году жили на Коломенской в доме 3 и 5, причем Любовь Павлова была (внимание!) владелицей прачечной, располагавшейся в доме 3. Других женщин с такими же данными и дочерьми (артистками балета императорского театра) в документах того времени не нашлось.

Дом на Коломенской «так себе», но уже через год после окончания училища в 1900 году Анна Матвеевна Павлова (все та же артистка императорского балета) зарегистрирована по адресу на Надеждинской, 3. Адрес иного качества, как и дом – два шага от Невского, широкая лестница, даже роскошный круглый лифт и прочее...

С 1902 по 1905 год Анна Павлова числится в квартире в доме Миллера на Свечном переулке, 1, там тоже все неплохо, кроме соседства – во флигеле табачная фабрика Миллера, производящая папиросы миллионами штук в год.

А вот в 1905 году она уже сфотографирована в своей квартире (конечно, съемной) в доме на углу Английского и Офицерской, однако это еще не «Дом-сказка», таким он стал после перестройки в 1909 году. Большинство жильцов определенно вернулись в прежние квартиры, возвратилась в 1910 году и Павлова. А где жила в 1909–1910 годах?

В адресной книге указана Итальянская, дом 5 – адрес барона Дандре, но ее отчество уже изменилось, Анна Матвеевна стала Анной Павловной, каковой и оставалась до конца жизни.

Следующий адрес снова Английский проспект, «Дом-сказка».

В 1913 году Павлова в Петербурге не числится нигде, а вот в 1914-м адрес странный – Тамбовская улица, дом 18. После Итальянской Тамбовская, причем для балерины, у которой в Лондоне уже есть замечательное имение Айви-Хаус? Но, возможно, это просто адрес матери, Анна уехала, а Любовь Федоровна осталась. И где она жила после Коломенской – неизвестно.

Что это меняет?

Очень многое в понимании, как складывалась жизнь Анны в Петербурге вне театра, ее взаимоотношений с матерью и бароном Виктором Дандре. Человек, если он не отшельник, нередко принимает какие-то решения именно под давлением или просто воздействием окружающих его (особенно родных) людей. Павлова еще в 1912 году приняла нелегкое для себя решение эмигрировать, при том что была и осталась исключительно российской балериной, воспитанной на русских корнях и любящей Россию.

Вам интересно почему?

Тогда придется разбираться не только в успехах на сцене, но и во взаимоотношениях с дорогими ей людьми, что сделать, честно говоря, довольно трудно, поскольку ни Анна Павловна, ни ее супруг и импресарио Виктор Дандре правдивостью в написанных воспоминаниях

не отличились. Понятно, что не хотели выставлять на всеобщее обозрение личную жизнь, но уж слишком сиропно-сусальной в их воспоминаниях получилась жизнь Анны Павловой.

Потом постаралась пропаганда, и вот перед нами образ девчушки из нищей семьи, ставшей блестящей балериной с мировой известностью.

Анна Павлова не желала рассказывать о своей семье и жизни до училища правду, это ее право.

Она и о самом училище говорила только, что это монастырь.

Чтобы понять, каково было худенькой, слабой девочке в таком монастыре Терпсихор, придется прибегнуть к рассказам других «послушниц».

Монастырь Терпсихор

– Слабое здоровье не повод работать вполсилы, скорее это причина быть отчисленной. Балет не терпит слабых, он не терпит даже обычных, балету нужны только очень сильные. Это не моя прихоть, но требования профессии. – Слова Екатерины Оттовны Вазем обидны, но справедливы, не будет физической силы – не будет и успехов в танце.

Балет волшебная страна только на сцене, за сценой это тяжелый труд до семьдесят седьмого пота и кровавых мозолей. И только самые упорные и сильные выдерживают.

Сила у Нюры Павловой была лишь моральная, физической девочка не отличалась никогда. Родилась семимесячной, никто не верил, что выживет, но бабушка обернула внучку ватой, словно хрупкую игрушку, и выходила. А потом поила свежим молочком, кормила повкусней и берегла.

О дедушке, как и об отце, упоминаний нет. Следовательно, одинокая старушка была вполне в состоянии не только выходить, но и содержать внучку.

Когда Нюре шел восьмой год, на Рождество мама решила сделать ей подарок – сводить на балет в Мариинский театр. «Спящая красавица» так потрясла девочку, что Нюра решила: буду танцевать именно в Мариинском и партию Авроры!

Обо всем этом эмоционально поведала в автобиографии сама Анна Павлова, мол, так матери и заявила. И стала просить, чтобы позволила учиться балету.

Но в восемь с половиной лет девочку в училище не приняли, сказали, что слишком слабая, не выдержит занятий, и посоветовали прийти через пару лет, когда окрепнет. Бабушкина молочная экспансия усилилась, но Нюра все равно оставалась тоненькой тростинкой.

Это сейчас ученице, набравшей несколько лишних килограммов, грозит отчисление, а в то время на балетной сцене царила итальянка Пьерина Ленъяни, конкуренцию ей составляла Матильда Кшесинская. У этих прим-ассолот был совсем иной тип красоты, времена воздушной Тальони прошли – ни Ленъяни, ни Кшесинская былинками не выглядели, да этого и не требовалось. Изящные, гибкие, сильные балерины имели женственные формы.

Потому тонкое, почти прозрачное создание, состоявшее, казалось, из одних длинных рук и ног, могло впечатлить приемную комиссию только глазами. Ими и зацепило – блестящие восторженные глаза произвели впечатление на преподавателей, к тому же у девочки обнаружили пластичность, чувство ритма и слух.

И все же слабая спина, слабые ноги, общая худоба вызывали сомнение. Нюру приняли сверх нормы одиннадцатой. По ее словам, она на экзамене произвела впечатление на Гердта (солиста Мариинки, ведущего к тому же класс в училище) своей осведомленностью.

Гердт попросил назвать имя. Нюра отрекомендовалась и добавила, что он – принц Дезире из «Спящей красавицы», мол, видела его на сцене два года назад. Сердце танцовщика растаяло, и Гердт настоял на принятии слабенькой девочки в число учениц сверх положенных десяти, все равно пока на своих харчах жить будет.

О комплименте Гердту Анна Павлова тоже рассказала в своих воспоминаниях. Неясно только, где же сидела во время спектакля дочь прачки, ведь рассмотреть лицо актера на сцене Мариинки даже в театральные бинокль можно лишь из лож бельэтажа или первых рядов партера (билет туда стоил годовой зарплаты прачки). О морском или полевом бинокле при посещении театра не упоминалось...

То есть узнать в стоявшем перед ней Гердте исполнителя роли принца из виденного два с половиной года назад спектакля Нюра Павлова никак не могла. Возможно, ее просто научили так сказать, мама-то была не промах. Помогло – впечатление произвела и в училище приняли.

Есть еще одно «но».

Во всех без исключения воспоминаниях бывших учениц Театрального училища говорится о протектировании – каждая из них была либо чьей-то родственницей (у Карсавиной преподавал отец, у Кшесинской отец был ведущим танцовщиком Мариинки и все младшее поколение закончило это училище, у Легатов танцевал и преподавал отец, у Мариуса Ивановича Петипа тоже все дочери учились в Театральном... крестной Веры Трефиловой была знаменитая актриса Савина...), либо имела рекомендации очень влиятельных и состоятельных особ.

А как же приемные испытания и строгая комиссия? Просто конкурс на десять мест был так велик, что у комиссии имелась возможность выбирать из «протектированных». В 1900 году на двенадцать вакантных мест было подано восемьдесят заявлений, а через десять лет на восемь мест было подано двести прошений!

Наступил момент, когда предложение превысило спрос и прием на два года даже прекратили.

Во времена Павловой балету обучалось примерно 70 девочек, полсотни которых были «казенными», то есть учились на полном государственном содержании.

Не всем везло стать «казенными», Екатерина Вазем, у которой в училище потом занималась Павлова, пять лет своего обучения была «своекоштной», то есть платила по 500 (!) рублей в год – огромную сумму для того времени.

Сама Павлова об этом умалчивала, чтобы не провоцировать ненужные вопросы, но и Любовь Федоровна платила за дочь в первый год обучения. Вероятно, как за Карсавину – 300 рублей серебром. И приняли Нюру одиннадцатой – сверх десяти положенных. Чьи рекомендации и гарантии оплаты обучения предоставила Любовь Федоровна, мы не узнаем никогда, но стоит сказать спасибо тому, кто помог Нюре Павловой переступить порог Театрального училища вопреки ее природной слабости. А еще поблагодарить за настойчивость ее маму.

Началась жизнь в монастыре Терпсихор.

Это удивительный «монастырь», как и судьбы его выпускниц. В связи с этим недоумение – как могла религиозная мама (как утверждала сама Павлова) отдать дочь «в балерины»? Репутация балерин была однозначной – содержанки. Все до единой. От примы-ассолоты (то есть Леняни и Кшесинской) до корифейки «у воды» («у воды» – значит, последняя в ряду кордебалета у самого задника кулис, где обычно пейзаж с озером). Исключение составляли только супруги актеров же. Многие ради того в балет и стремились, их устраивало положение «у воды» и покровительство нувориша – работы немного, а деньгами и бриллиантами обеспечит «любитель прелестниц».

Обеспечивали, в украшениях не терпели бутафории, все драгоценности, которыми от прим до корифеек на сцене были увешаны с головы до ног, были настоящими! Этакая ювелирная выставка на движущихся экспонатах.

Конечно, в училище шли и из любви к танцу, к музыке, к сцене. Павлова из таких.

Но содержанками становились все равно.

И Анна Павлова стала.

Это барон Виктор Дандре снял для нее роскошную квартиру с большим репетиционным залом (такого не было даже у Кшесинской) в «Доме-сказке» на углу Английского проспекта и Офицерской улицы (сейчас улица Декабристов). И не стоит за это осуждать, тем более своего барона Анна любила по-настоящему (как и он ее?).

Но до того еще были годы тяжелой учебы в училище.

– Приняли! Меня приняли!

Об этом хотелось кричать на весь Петербург, даже на весь мир!

Она будет балериной, будет танцевать на сцене Мариинского театра, обязательно получит главные роли, в том числе Аврору в «Спящей красавице»!

– За три дня подготовить столько всего! – ужасалась Любовь Федоровна.

– Но мамочка! – на глазах у Нюры слезы. Судьба не может быть столь несправедливой, из-за необходимости срочно перешить два форменных платья – коричневое для классных уроков и серое для танцев – нельзя пропустить первый день занятий!

Конечно, мама постаралась, и платья были ушиты, чтобы не болтались на тоненькой фигурке Нюры. А еще нужны тетради, карандаши, ручки и, конечно, балетные туфельки. Нет, пока не пуанты, как у взрослых, а просто тоненькие тапочки.

Это маме казалось, что время летит, для Нюры эти дни тянулись бесконечно.

Первого сентября она заставила маму выйти из дома много раньше необходимого:

– Мамочка, вдруг с конкой что-то случится? Вдруг мы будем идти слишком медленно?

В результате они пришли рано.

Нюра словно шагала в сказку. Да, вон за тем обычным с виду входом в Театральное училище сказочный мир балета, но теперь она, Нюра, имеет право войти в эту дверь. Пусть это испытательный срок, она выдержит любые испытания, потому что только так потом можно выйти на сцену и танцевать!

– Мамочка, ты меня дальше не провожай, я сама. – Нюра чувствовала себя почти взрослой и самостоятельной. – Только встретишь после занятий.

Но у входа дежурил страж порядка в роскошной красной ливрее.

– Вы к кому, барышня? – Гурьян швейцар бдительный, кого попало в училище не пустит.

– Я на урок... – Аня даже растерялась.

Любовь Федоровна поспешила на выручку дочери.

– Нюрочка, тебя не пускают?

Но Аня справилась с растерянностью, спокойно ответила:

– Нет, мамочка, все в порядке. Господин просто не знает, что я уже учусь в первом классе.

Гурьян, которого господином называли крайне редко, широко улыбнулся:

– Я впрямь не признал, барышня. Вам вон туда, приходящие переодеваются на антресолях. А потом в класс, там покажут.

– Благодарю, – чинно поклонилась ему Аня и поспешила, куда сказано.

Глядя ей вслед, Гурьян покачал головой:

– Как былиночка. Как ей выдержать?

У Любови Федоровны сжалось сердце, может, зря согласилась отдать дочь в балет?

– Ей одиннадцатый...

Швейцар поприветствовал кого-то из преподавателей, открыл дверь перед крепкой девушкой, перебрался парой слов со служащими в такой же, как у него самого, форме и снова повернулся к Любови Федоровне. Та не ушла, понимая, что со швейцаром можно будет поговорить и узнать что-то интересное и важное. Швейцары они такие – всегда все знают.

Поговорить в этот раз не удалось, в первый день занятий многие пришли пораньше, двери то и дело открывались и закрывались. Гурьян подмигнул Любови Федоровне:

– Завтра приходи, все расскажу...

В первые дни на Аню смотрели с откровенным изумлением – худенькая девочка казалась чужой среди крепких, развитых сверстниц. Ей шел одиннадцатый год, а выглядела едва на восемь-девять лет.

Она поспешно переделалась в скромное полотняное платье – форму для занятий танцами (маме пришлось ушивать, чтобы не болталось), аккуратно повесила коричневое платье, в котором полагалось сидеть на остальных уроках, в шкаф и, сделав книксен перед старенькой служительницей, поспешила в репетиционный зал. Аня пользовалась каждой минуткой, чтобы еще и еще потренироваться. И не считала зазорным полить пол в зале, напротив, старалась

выполнить целый танец, изящно поворачиваясь с леечкой в руках, перебегая на пальцах, тянулась то влево, то вправо, напевая какую-нибудь мелодию.

Пожилой концертмейстер, обычно аккомпанировавший младшим, любил наблюдать ее танцы-импровизации.

– Эта девочка станет прекрасной танцовщицей, возможно, лучшей, – говорил он и с грустью добавлял: – Если только не надорвется раньше времени.

Он оказался прав: Павлова стала величайшей балериной своего времени и, к счастью, не надорвалась. Но как же ей было трудно!

Со второго класса у девочек образовывались свои кружки – у пепиньерок, живших в пансионе училища, свой, у дочерей артистов, давно знакомых с закулисной жизнью театра, свой, у тех, кто имел «серьезные рекомендации», то есть важных покровителей, свой... В первом классе все были приходящими, но разделение все равно было. Девочки часто собирались вокруг важничавшей Любы Петипа, как же, дочь самого Мариуса Ивановича знала о театре и балете все! Потом оказалось, что это не так, не желая признаваться в неосведомленности, Люба частенько напускала на себя важность или таинственность.

Здание училища делилось на две части – словно бы внешнюю, где располагались классы и репетиционные залы, и внутреннюю, где жили пепиньерки. Конечно, никакой стены или перегородки между половинами не было, но гулять туда-сюда категорически запрещалось. Не желая пострадать из-за нарушения правила, девочки строго придерживались этого и еще одного правила. Второе гласило: к мальчикам не приближаться! Мальчики жили и занимались на другом этаже и оказывались рядом только во время репетиций и спектаклей, когда требовалось вместе танцевать.

Но в разрешенных пределах любопытная Аня прогуливалась постоянно. Например, в круглый зал возле репетиционного – библиотеку. Там столько книг! И хотя их неохотно выдавали приходящим, библиотекарь Ольга Андреевна почувствовала приязнь к тоненькой девочке с горящими от восторга глазами и допустила к сокровищам. А только что блестящие глаза девочки вдруг стали... грустными.

– Что случилось?

– Мне всего этого за жизнь не прочитать, – вздохнула Павлова.

– Книг написано так много, что их все никому никогда не прочитать, но приходи чаще.

Аня вышла из библиотеки, прижимая к себе полученную книгу, и остановилась у большого окна. Когда она будет пепиньеркой, будет читать каждую свободную минутку! А еще дополнительно репетировать. В училище достаточно места и без самих залов, чтобы тренироваться и тренироваться. Некоторые девочки так делают, но не все. Почему, не хотят стать лучшими?

Но что будет, если все станут лучшими? Ей стало смешно от такой мысли. В том, что сама станет, – не сомневалась. Иначе зачем мечтать о танце? Несомненно, как только окрепнут спина и ноги, ей дадут ведущие партии в балетах. Сначала детские, например, первая пара в менуэте или роль с декламацией в спектакле Александринского или Малого театров. Но потом непременно заметят и посыплются главные роли и даже... о, как об этом было сладко мечтать... – роли в поставленных ради нее спектаклях! Да, ставит же Петипа балеты ради Ленъяни. Говорят, итальянке уже успешно противостоит Матильда Кшесинская, хотя болтают, что ту протезирует наследник престола... Это Ане не нравилось совсем. Неужели ради успеха и впрямь требуется чье-то покровительство?

Ей столько всего предстояло узнать! Ведь для мамы и бабушки мир кулис был совершенно чужд, они не представляли, сколько тут сложностей и интриг.

Но ни трудности, ни интриги Аню не пугали, она готова выдержать все, всему научиться и все преодолеть, чтобы выйти на сцену в роли Авроры.

Павлова стояла возле окна, прижимая к себе книгу и глядя невидящим взором, перед которым проносились картины будущего сказочного успеха.

– Ты приходящая? – неожиданно заинтересовалась у Ани оказавшаяся рядом девочка постарше. Она тоже вышла из библиотеки.

Аня улыбнулась и кивнула:

– Да, я в первом классе. Нюра Павлова. А вы?

– Я Вера Трефилова. Что за дурацкое имя – Нюра? Ты же не в деревне. Называй себя Аней.

– Хорошо, буду, – согласилась Павлова. Она хотела спросить, в каком классе Вера и не станет ли ее опекать, но ее опередила еще одна девочка, явно столь же взрослая, как Вера.

– И как там?

– Где?

– На воле.

На мгновение Аня замерла, не понимая, о чем спрашивает ее новая знакомая. Та пояснила сама:

– Ты пока маленькая, вас выпускают на улицу. Если станешь пепиньеркой, будешь жить взаперти. Нас даже на каникулы летом не выпускают. Или ты останешься приходящей?

– Нет, я буду жить здесь, – вздохнула Аня, которую расстраивала мысль, что придется столько лет не видеть маму. – А родным даже навещать вас не разрешают?

– Разрешают, но под присмотром. Знаешь, одна мама помогла Безумной Анне сбежать с любовником, это был скандал, потому и запретили.

Вера поморщилась:

– Не пугай, не то сбежит, не попив первого чая.

Аня невольно воскликнула:

– Не сбегу! – И тут же осторожно заинтересовалась у девочек: – А что такое первый чай?

О Безумной Анне, влюбившейся в гусара и променявшей на него свое будущее, Павлова уже слышала, романтические истории с влюбленностью и побегами ее пока не трогали, куда интересней успех на сцене.

Трефилова снисходительно объяснила, что балет находится под покровительством Двора и самой императорской семьи. Император Александр III, Ее Величество Мария Федоровна, наследник престола, Великие князья бывают на выпускных спектаклях училища и потом пьют чай с ученицами. Иногда посещают училище и помимо выпуска в праздники.

– И тоже пьют чай? – недоверчиво заинтересовалась Аня.

– Пьют. Что в этом такого?

Но Аня не могла верить: вот так запросто пить чай рядом с императором?! Наверное, девочки ее разыгрывают, чтобы потом посмеяться, мол, вот какая доверчивая. Но Вера продолжила:

– Да, вот Великий князь Владимир Александрович большой любитель балета и балерин. Особенно хорошеньких. – Окинула худенькую Павлову скептическим взглядом и усмехнулась: – Но тебе его внимание не грозит.

– Это почему же?! – Аня закипела от возмущения.

– Тошяя.

Их разговор прервали, пришлось разойтись по своим классам, но у Ани все крутилось в голове: император и императрица пьют чай с воспитанницами! И где-то задней мыслью оставалось негодование по поводу невнимания Великого князя из-за худобы.

Александр Александрович Облаков, в классе которого пока училась Аня, заметил ее раздумья, но не стал выговаривать при всех, подозвал к себе:

– Чем заняты ваши мысли, госпожа Павлова? Вы слишком рассеянны.

Неожиданно для себя Аня выпалила:

– Правда, что Его и Ее Величества пьют чай с воспитанницами?

Учитель с трудом удержался от смеха, но ответил:

– Правда. Встаньте на свое место.

Аня сделала два шага к своему месту у палки, но вернулась и осторожно поинтересовалась:

– А правда, что Великий князь Владимир Александрович не любит тощих?

Спроси это кто-то другой, несдобровать бы, но глаза девочки смотрели так доверчиво и умоляюще, что Облаков все-таки рассмеялся. Но смех тут же погасил.

Крепкая рука легла на худенькое плечико.

– Запомните, госпожа Павлова: и Их Величества, и Великие князья, и я, и зрители в последнем ряду галерки любят талант и труд. Если это будет, не важно, худая вы или полненькая. Данные у вас есть, будете усердно трудиться, станете балериной, а не просто корифейкой у воды. – Предвидя ее вопрос, пояснил: – «У воды» – значит, в последнем ряду кордебалета у задника. А балерин в театре всего несколько.

– А остальные?

– Корифейки и солистки. И хватит болтать, идите работать.

– Благодарю вас, – присела в книксене Анна. – Я стану балериной, обязательно стану, вот увидите!

Глядя ей вслед, Облаков покачал головой:

– Что-то в ней такое есть... Но слаба, слишком слаба. Ноги еще куда ни шло, а вот спины нет совсем.

Акомпаниатор, видевший на своем веку всякое и всяких, кивнул:

– Не выдержит. Даже если ничего не сломает и не порвет, то дальше «воды» не потянет. Хотя глаза горят...

Соседка Ани по палке Люба Петипа (дочь самого Мариуса Ивановича!) поинтересовалась:

– Что он тебе сказал?

– Что надо работать...

– Они всем так говорят! – махнула рукой Люба. – Папа тоже твердит, мол, трудись и все получится. Ерунда это все. Покровитель хороший нужен, тогда и роли будут, и деньги. Папа говорит, что покровительство решает, кому и что танцевать.

– Я всего добьюсь сама!

– Маша говорит, что все так говорят, но потом ищут покровителей.

Маша Петипа – старшая дочь Мариуса Ивановича. Придя в училище, Аня понятия не имела и о самом Петипа, но быстро усвоила – он в балете главный, а его старшая дочь танцует прекрасно. Люба тоже талантлива, но лентяйка.

Для себя Аня решила, что забудет обо всем, кроме танца, чтобы стать лучшей, чтобы ей давали главные роли, в том числе ту самую – Аврору в «Спящей красавице».

Но для этого следовало усердно трудиться. Более трудолюбивой ученицы стены училища еще не видели.

И все же у маленькой тоненькой девочки было немного шансов стать балериной.

– Какая же ты худенькая! – вздыхала классная дама и приносила из лазарета очередную бутылку с рыбьим жиром. Стараясь не дышать, девочка проглатывала очередную ложку этого витамина, чтобы окрепнуть. Почему-то считалось, что рыбий жир трижды в день непременно поможет маленькой Павловой вырасти и окрепнуть.

Чего не сделаешь ради исполнения мечты!..

Первый выход на сцену!..

Как Ане хотелось, чтобы мама увидела ее на сцене, пусть даже в толпе детей!

Но Любовь Федоровна и в бинокль не сумела бы разглядеть свою маленькую Нюру за спинами других учениц.

Их привезли на «репетицию» в предыдущий день, показав, откуда будут выбегать, где стоять, как себя вести и куда удалиться. Павлову поставили в «толпу», настрого наказав не высовываться. Она была согласна на все, лишь бы попасть на сцену.

И вот...

– Девочки, Ноев ковчег подали! Поспешите.

– Что подали? – изумилась Нюра.

Хорошенькая Стася Белинская пожалала плечиками:

– Наш шарабан зовут Ноевым ковчегом. Пойдем, не то и правда опоздаем.

Стася из тех, кого уже выделили из общего числа и кому прочили большое будущее. Как Нюра ей завидовала! По-хорошему завидовала, доброй белой завистью. Пока доброй...

Большая, наглухо закрытая карета перевозила учениц и учеников из училища в театр по несколько человек, чтобы вернуться за следующей партией. Поняв это, Нюра старалась попасть в первую партию, чтобы побыть за кулисами подольше и подышать самым воздухом театра.

– Мамочка, там особенный воздух! – блестя глазами, рассказывала Нюра.

Любовь Федоровна, которой в первый год обучения приходилось забирать дочь после спектаклей, только вздыхала, она-то знала, что за кулисами пахнет просто пылью. Но для Нюры и театральная пыль пахла волшебю.

На первый спектакль их привезли из училища, чтобы не потерялись в театральных коридорах.

– Не перепутайте и не сбейтесь, чтобы вас не пришлось ловить на сцене, – наставляла мадемуазель Виршо, казавшаяся Нюре очень важной. – И чтобы никаких переглядываний с мальчиками! Они для вас не существуют. Если замечу, больше на сцене не появитесь.

Из длинного и исключительно «запретительного» наставления Нюра поняла одно: ничего нельзя, нужно лишь смотреть, что делают старшие девочки, и подражать им.

Но она забыла все наставления, стоило выпорхнуть на сцену во время спектакля.

Что это было – сказка, наваждение, волшебное действо? Нюра просто испугалась, потому что с другой стороны рампы все выглядело иначе – зрительный зал провалился в какую-то черную яму, а они сами оказались на свету, к тому же сцена была заполнена танцорами, декорациями, все двигались, музыка звучала откуда-то из темноты и приглушенно... В первый раз Нюра не поняла ничего, она выбежала в толпе детей, практически не видимая за их спинами, и убежала, когда сделали знак, что пора уходить.

На сцене продолжалось действо, а их поспешно увели наверх – переодеваться и разгримировываться, то есть стирать с лица помаду и румяна.

И все?! – не могла поверить Павлова.

Как бы то ни было, «крещение сценой» состоялось. Для некоторых девочек это было привычно, Люба Петипа уже не раз выходила в подобных сценках среди разных амугов, зефигов, бабочек, птичек и тому подобных персонажей. Их «героев» нарочно вставляли в спектакли, чтобы приучить учеников к свету рампы. Позже способным доверяли небольшие номера в последнем акте балета, с каждым годом номера становились более заметными и сложными, ученики танцевали разные кадрили и менуэты, исполняли отдельные несложные па-де-де или па-де-труа с партнерами и партнершами, однако старательно не глядя на тех, с кем танцуют. «Строить глазки» мальчикам и вообще смотреть на них запрещалось категорически!

Не меньшее впечатление, чем чернота зала, на Павлову произвело пересчитывание их по головам после спектакля.

– Это еще зачем?! Боятся, что кто-то остался на сцене?

Потом их считали везде – в театре, на прогулках, после посещения домашней церкви училища... Строгие классные дамы бдительно следили за нравственностью воспитанниц.

– Ну, что ты чувствовала? – поинтересовалась Любовь Федоровна у растерянной дочери, выходя с Нюрой из театра через служебный вход.

– Не знаю, мамочка. Я так растерялась... Правильно нам советовали не смотреть в зал и повторять все за теми, кто старше и на сцене не впервые. Было очень страшно, я ничего не видела и не понимала. Но я все равно буду танцевать!

– Конечно, будешь, – успокаивала дочь Любовь Федоровна, уже понявшая, что ее Нюра готова на все ради сцены и танца.

Это был очень тяжелый год – болели ноги и руки, еще больше спина, вкус рыбьего жира перебивал все остальное, и постоянно подташнивало, кроме занятий самими танцами приходилось делать другие уроки, участвовать в спектаклях и поздно возвращаться домой... Но были музыка, танец и сцена. Было волшебство, ради которого стоило вытерпеть все.

И она вытерпела боль, нагрузки, строгие требования, даже рыбий жир. Вытерпела, чтобы на второй год быть зачисленной на казенный кошт, стать пепиньеркой и окончательно уйти из дома в училище.

Аня знала, что это придется сделать, готовилась к такой перемене в жизни, но, когда пришлось попрощаться с мамой, понимая, что видаться оставшиеся шесть лет будут только изредка, расплакалась. Учениц не отпускали даже на каникулы, а родным разрешали приходить два раза в неделю.

Кажется, только теперь Аня поняла, чем жертвует ради счастья танцевать – она больше не будет маминой дочкой. Всплакнула вместе с мамой, но отправилась на Театральную улицу решительно.

И вот...

– Это твоя кровать. Твое место за столом. Твоя одежда, обувь, место для умывания. А это горничная, которая будет тебе помогать.

Горничная?! Оказалось, что горничных четыре, у каждой восемь-девять подопечных.

Кровать под номером в огромном дортуаре, где разместились полсотни, а то и больше таких же аккуратно застеленных кроватей. Место недалеко от ширмы, отделяющей кровать воспитательницы. Хотелось спросить, нельзя ли подальше от входа, но Аня догадалась, что там занято. Действительно, в дальней стороне дортуара спали старшие пансионеры, те, кому учиться осталось один-два года. После очередного выпуска происходило перемещение – бывшие пятиклассницы перебирались в привилегированную зону подальше от воспитательницы.

С местами за столами не менее строго, но там следили сами воспитанницы. Каждое перемещение нужно заслужить, либо прожив определенное время в училище, то есть перейдя в следующий класс, либо будучи приглашенной самими старшими, что случалось крайне редко. Старшие ценили свое почти замкнутое общество, это придавало им вес. На многие расспросы отвечали:

– Ты еще мала. Вот проживешь с наше...

Правил много, есть «писанные», то есть официально утвержденные «нельзя» и «следует», а есть «неписанные», соблюдать которые нужно не менее строго.

Первые придуманы директором, преподавателями и воспитателями. Вторые – самими ученицами.

И неизвестно, какие строже.

Нельзя навязывать свое общество старшим, подсаживаться к ним, если не позвали, обращаться, если на тебя не обращают внимания. Это означает, что место за столом у старших

учениц нужно заслужить, чаще всего они не приглашают маленьких, чтобы не разболтали их секреты.

Но Аня и не рвалась за их стол, села туда случайно – увидела свободное местечко и под села со своим рукоделием.

– Нет, вы только посмотрите на нее?

– У нее жар или она глухая?

– Нет, просто глупая, не понимает, что ее не приглашали...

Павлова не сразу осознала, что возмущаются ее поступком. Позже она узнала, что в подобной ситуации оказываются почти все новенькие, незнакомые пока со строгим правилом почитания старших учениц.

– Старшим нельзя навязываться, нужно только ждать, чтобы на тебя кто-то из девушек обратил внимание и предложил свое покровительство, – объяснила ей Юлия Седова, учившаяся на класс старше и потому знавшая правила поведения.

Об опекунстве Павлова уже знала и потому не удивилась, ее беспокоил только выбор.

– А если никто не обратит внимания?

– Это плохо, но обычно у всех есть старшие опекуны.

– А ты не могла бы опекать меня?

– Я? Нет, меня еще саму опекают. Это возможно только в старших классах.

– Ну и не надо, обойдусь без опекуны! – Аня прошептала это себе под нос, чтобы не обижать Юлю, но действительно была полна решимости все делать самостоятельно.

Рядом с ней и в дортуаре, и на уроках оказалась Лена Макарова. Большой дружбы между девочками не сложилось, но все же они приятельствовались.

В первую ночь заснуть удалось только к рассвету, но услышав первый шум в дортуаре, Аня вскочила.

– Пора на урок танца?

Воспитательница рассмеялась:

– Сначала умываться, одеваться и завтракать. А еще молитва... Но поспешите, здесь все делают быстро.

– Действительно монастырь, – проворчала одна из новеньких девочек, обнаружив, что вода, которой следует умываться, холодная.

Посреди умывальной комнаты стояла огромная медная лохань с кранами, из которых текла холодная вода. Умываться следовало до пояса, девочки тут же начали дрожать, особенно Аня. Она привыкла, что мама или бабушка заботливо грели воду для умывания и уж, конечно, не заставляли обливаться по пояс! Но если нужно, то она готова окунуться в ледяную воду с головой. К тому же обтирание холодной водой закаляет, а ей это просто необходимо.

Аня быстро вымылась и старательно растерлась полотенцем, чтобы согреться. Лена последовала ее примеру.

Теперь предстояло одеться, убрать постель и заплести косы. Аня вдруг ужаснулась при мысли, что не сумеет сама заплести косу как положено! Но тут же решила попросить Лену и помочь заплестись ей. Этого не потребовалось – воспитанниц до пятнадцати лет причесывали горничные. Старшим позволялось делать это самим, что тоже считалось привилегией.

Хотелось спросить, нельзя ли самим, но Павлова решила не спешить, мало ли какие еще здесь правила, вдруг горничная обидится? Правильно сделала, у каждой горничной были свои подопечные девочки, и горничные соревновались между собой в том, насколько хорошо выглядят их воспитанницы. Привычные руки горничных работали ловко и быстро, тщательно причесанные и заплетенные девочки одна за другой отходили убирать кровати и строились для осмотра.

Голубое платье с довольно глубоким вырезом, который прикрывала белая пелеринка для занятий в классе, серое – для занятий танцем, совершенно нелепый огромный кокон для про-

гулок по крошечному садику во внутреннем дворе, большие теплые платки, чтобы набрасывать на плечи, если прохладно... Все одинаково – от платьев до причесок, от еды до экзерсисов, от чтения молитв до белых передников по праздникам и воскресеньям.

Но Аню строгая дисциплина и все требования ничуть не беспокоили. Теперь она в училище, да еще и на казенном коште! Маме не нужно больше искать деньги для оплаты обучения, на одежду, обувь и прочее для дочери. А главное – она сама сможет заниматься танцами столько, сколько захочет, хоть с утра до вечера, разве что уроки не станет пропускать, а еще молитвы. Не будут же ее ругать за это? Здесь учат танцевать – значит должны приветствовать стремление танцевать все время.

Ее пыл охладили в первый же день – отправиться в репетиционный или даже музыкальный зал вместо прогулки нельзя!

– Но я хотела повторить экзерсис.

– У тебя будет на это время завтра на уроке.

– Но мне мало урока! Я хочу танцевать больше.

Воспитательница только сокрушенно покачала головой.

Такие споры редки, обычно Аня Павлова воспринимала все с восторгом. Ей очень нравилось в училище, нравилось быть пансионеркой, ходить строем, соблюдать строгие правила, нравился порядок, но главное – возможность учиться танцу и выходить на сцену!

А еще наблюдать за репетициями настоящих артистов.

Балет Мариинки репетировал в зале училища и только на генеральную репетицию приезжал в сам театр, потому, когда балерины разучивали партии или проходили их перед спектаклями, за ними наблюдали множество юных глаз. И сами опытные танцовщицы тоже присматривались к девочкам, прикидывая, кто из малышек в будущем составит им конкуренцию.

Потрясение первых дней – поход в баню.

Аня решила, что они пойдут куда-то далеко, наверное, строем, как водили солдат, – она наблюдала такое однажды. Но оказалось, что из училища уходить не надо, баня во внутреннем дворике. Младшие еще не успели соскучиться по воле, потому не поняли оживления, царившего среди девочек средних классов. Старшие смотрели на это волнение снисходительно, они считали дни до выпуска и этим подсчетом жили.

Аня уже видела крошечные свитки с календарями, которые старательно прятали на груди от воспитательниц и даже горничных. Эти календарики заканчивались 25 мая, и вести их имели право только ученицы выпускного класса. Каждый прожитый день вычеркивался с видимым удовольствием. Количество оставшихся дней неизменно подсчитывалось заново, хотя вполне понятно, что если вчера оставался сто девяносто один день, то сегодня будет сто девяносто. Многие ученицы вычеркивали еще не прошедший день сразу после обеда, а праздничные, когда уроков не было и старших даже отпускали домой, так и вовсе все сразу.

Все это Аня узнала постепенно, а пока им предстояла баня. Павлова, как и все новенькие, вымылась, перед тем как отправиться в училище, но здесь исключений не существовало. Сама баня оказалась совершенно деревенской, похожей на ту, что в Лигово у бабушки, только в несколько раз больше. Самых маленьких отправляли последними, но баня все же была хорошо протоплена и горячей воды вдоволь. Уже изрядно уставшие служанки все же старательно намылили их, натерли мочалами и окатили чистой водой. Тех, кто пожелал, даже похлестали веничками.

Девушка, споро расправлявшаяся с Нюрой, ужаснулась:

– Барышня, да вас и тереть-то страшно! Как учиться будете?

Распаренная Нюра счастливо улыбнулась:

– Выдержу...

– Дай-то Бог.

Павлова не была самой маленькой ростом, но была тоненькой и от этого выглядела совсем крошкой.

После похода в баню им позволяли до самого ужина ходить с распущенными волосами – чтобы просохли. Стало понятно, что старших девочек отправляют мыться первыми не из-за важности, просто у них волосы длиннее и сохнут дольше.

Рядом с Нюрой девочки, ожидавшие своей очереди быть причесанными, шепотом обсуждали какую-то жабу. Павлова не удержалась и также шепотом поинтересовалась:

– А кто это?

– Ты новенькая? – снисходительно усмехнулась одна из учениц. – Конечно, иначе знала бы, что мы зовем жабами воспитательниц.

– Но почему, разве они похожи?

В ответ последовало то самое «поживешь – увидишь», которым объяснялось все.

В училище следовало пожить, чтобы морщиться при одном упоминании воспитательницы, даже если ты относишься к ней прекрасно, чтобы ругать монастырские порядки, даже если они не доставляют неприятностей, тайно нарушать правила, даже если в том не было никакой необходимости и смысла, непременно быть влюбленной в кого-то из преподавателей и принадлежать к группам поклонниц Кшесинской или Преображенской, получать записочки от мальчика классом старше, даже если тот тебя не интересуется, мечтать «вырваться на волю», что понятно, и прочее...

Правда, было и то, что не осуждалось, например, ждать посещения родных или возможности выйти на сцену театра.

Посещения разрешались дважды в неделю и проходили в строгом соответствии с правилами.

– Аня! Павлова! – позвала дежурная Нюру. Это значило, что пришла мама, кому же еще?

Аня порывисто устремилась в комнату для встреч, где ее уже ждала Любовь Федоровна, но опомнилась и удержала свой шаг «до элегантного», как требовала Екатерина Оттовна Вазем. Но в последний момент все равно не выдержала и почти кинулась на шею маме:

– Мамочка! Как я соскучилась!

– Нюрочка, какая ты стала...

Любовь Федоровна расцеловала свою девочку и принялась ее оглядывать, поворачивая вокруг.

– Мамочка, зови меня Ансей. Так положено – Анна Павлова.

– Хорошо. Как ты тут? Я тебе пирожных принесла.

– Нет-нет, это запрещено! Нас хорошо кормят, и нам нельзя сладкого.

Ане так много нужно рассказать маме, кажется, не хватит не только времени свидания, но и завтрашнего дня тоже. Успела только кое-что, обещав остальное договорить в следующий раз.

– Здесь столько всего интересного!

В стороне также щебетали другие второклассницы, старшие девочки поглядывали на малышек чуть насмешливо и снисходительно, их родственники приходили реже и сидели недолго. Надо было рассказать и о порядках в училище, и о Екатерине Оттовне Вазем – их новой наставнице в танцевальном классе, экзерсис которой совсем не похож на тот, что был у Облакова в первом классе, и о старшеклассницах, и о бане...

Аня не могла наговориться и, лишь когда их позвали на обед и пришло время расставаться, вспомнила, что ничего не спросила у мамы!

– Мамочка, а как ты? Как бабушка?

– Бабушка плачет, боится, что тебя обидят. А я... хорошо, Нюрочка. Если тебе хорошо, то хорошо и мне. Только грустно без тебя.

У Ани навернулись на глаза слезы, не хотелось признаваться, что днем, пока занята, не вспоминает о маме и доме, но по вечерам, стоит улечься спать, накатывает тоска и хочется плакать.

– Мне тоже грустно, мамочка. Но шесть лет пролетят незаметно, я выучусь, буду танцевать в Мариинском театре, и мы будем жить в большой-пребольшой квартире с прислугой и парадным выездом.

– Выдумщица ты моя! – поцеловала ее в голову Любовь Федоровна. – Но я верю, что ты будешь танцевать в Мариинском. Беги, тебя зовут. И мне пора.

Аня убежала, а Любовь Федоровна, вздохнув, побрела к выходу. Ее девочка стала самостоятельной и больше в ней не нуждается. Хотя Любовь Федоровна радовалась тому, что Нюра учится там, куда трудно попасть и где трудно удержаться, что она станет артисткой, что ее взяли «на кошт», сознание, что дочь поневоле отдалится и будет жить своей жизнью, угнетало. Мать чувствовала себя куда более одинокой, чем ее упорхнувшая дочь.

Любовь Федоровна исправно приходила каждый раз, когда бывали дни посещений, и мечтала, как заберет свою дисциплинированную дочь на рождественские каникулы – целых три дня! Но уже тогда сказала большая занятость будущих балерин – в училище начали готовить новый спектакль.

Аня не могла поверить такому счастью: они будут танцевать специально для учеников написанный спектакль! И кем – самим Петром Ильичом Чайковским! А либретто написано Мариусом Петипа и Директором Императорских театров Всеволодом Живковым! И ставить балет будет по указаниям Мариуса Ивановича его ближайший помощник Иванов! И...

Продолжать можно бесконечно.

Выйти на сцену в настоящем балете «Щелкунчик», причем в главной роли девочки Клары (позже роль переименовали в Машу), мечтали все ученицы с того самого дня и будут мечтать всегда, пока только будет идти на сцене этот балет.

Разве могла Аня Павлова не мечтать о роли Клары? Нет, она не мечтала – она видела себя танцующей Klarу. А как же иначе?

Балет и оперу к нему («Иоланту») готовили в качестве рождественского подарка всем – и зрителям, и самим юным артистам – к декабрю 1892 года, но репетиции начались поздно, в сентябре. Конечно, у второклашек надежды получить главные роли не было никакой. Это понятно, они всего год в училище, хорошо хоть на сцену выпустят.

Ничего, это ведь только начало, успокаивала себя Аня. Придет и наше время.

По замыслу дирижера оркестра Дриго, дети – гости праздника появлялись на сцене с музыкальными инструментами в руках и должны были играть на них. Но как, если большинство играть попросту не умело?! Дудеть в трубы как попало?

Когда раздавали инструменты, Павлова попыталась взять что-то покрупней, но Дриго, окинув ее взглядом с головы до ног, покачал головой и протянул какую-то трещотку. Испугался, что тоненькая, маленькая девочка попросту не поднимет трубу или у нее неостанет сил дунуть?

Это были не просто дудки или барабаны, их разработали и изготовили в мастерской с учетом тональности, чтобы не получилась какофония звуков. По замыслу Дриго, вступая по очереди, дети дополняли бы игру оркестра. Но сколько ни бились, ничего не получалось, тогда ученикам и ученицам было разрешено играть каждому свое, но не очень громко.

И вдруг потрясение: Klarу будет танцевать Стася Белинская! Ей, ученице второго класса, доверили ведущую роль! Конечно, Стася крепче, она хорошо танцует, она премиленькая

девочка, но как же?.. Аня не могла поверить, что Стася, которая училась вместе с ней, выбрана, а она сама нет!

В тот вечер Аня долго не могла заснуть, ворочаясь в постели, пока Лена Макарова не зашипела:

– Прекрати крутиться и вздыхать! Услышит Ольга Андреевна, тебя накажут. А с тобой и меня.

Аня затихла, но спать не могла.

Почему Стася? Всего лишь потому, что у нее миленькое личико? Аня вынуждена признать, что Белинская и танцует прекрасно, пожалуй, лучше других. А она сама по-прежнему слаба.

Надо закаляться! – решила Аня.

Если кто-то и заметил, как она тихонько выскользнула из-под одеяла и поспешила из дортуара, то вида не подал. Может, ей требуется выйти по нужде?

В октябре в Петербурге уже холодно, а на каменном полу босые ноги замерзли сразу, но Аня решительно подставила ковш под струю холодной воды, стараясь не шуметь. Обливаться по утрам по пояс мало, чтобы закалиться, ей нужно делать это чаще и с головой.

– Ничего, до утра волосы высохнут, – успокоила она себя, выливая воду на голову.

Только теперь она сообразила, что не взяла полотенце и вытираться будет нечем. Но отступать некуда, потому последовал следующий ковш, а за ним еще один. Вода в трубе уже протекла и была теперь ледяной. Зуб на зуб не попадал.

Аня судорожно пыталась отжать мокрые волосы, когда в умывальной вдруг зажегся свет и раздался возмущенный голос Марии Андреевны:

– Это еще что?! Что ты делаешь?!

От неожиданности Аня еще и уронила полный ковш ледяной воды.

– Я? – Она тряслась от холода, вода текла с нее ручьями, мокрыми были не только волосы, но и ночная рубашка. – З-з... закаляюсь...

Воспитательница метнулась к шкафу, вытащила большое полотенце и поспешно закутала мокрую девочку, подхватила Аню на руки и понесла в дортуар к печке.

Разбуженные шумом девочки сонно интересовались, что случилось.

– Павлова промокла.

– Как она могла промокнуть? – удивилась Вера Трефилова.

– Нечаянно! – строго и раздельно произнесла воспитательница, пресекая любые расспросы. – Ложитесь спать, ничего страшного.

Утро Аня встретила в лазарете. Обливание ледяной водой даром пройти не могло.

Зайдя проведать, Мария Андреевна холодно произнесла:

– Я не спрашиваю, зачем ты это сделала, но хочу, чтобы поняла: если впредь будешь делать подобные вещи, то не только не станешь балериной, но и до сцены не доживешь! И едва ли тебе кто-то доверит серьезную роль, зная, что ты можешь так глупо сорвать выступление.

Заглянувшая на следующий день Вера Трефилова сообщила, что воспитательнице вынесли выговор за недосмотр за ученицей.

Результат внеурочной закалки получился сокрушительным – и сама пропустила спектакль, вернее, сидела за кулисами, с завистью наблюдая, как танцуют другие, и Марию Андреевну подвела. Аня тихо лила слезы, никому не жалуясь. Да и на что жаловаться, если сама виновата? Но она же хотела как лучше, хотела стать закаленной, крепкой, чтобы тоже доверяли большие роли.

– Швабра! – кто-то бросил вслед Павловой это прозвище явно сгоряча, Марию Андреевну хоть и называли как всех «жабой», но любили, и Ане не сразу простили наказание, полученное воспитательницей.

Как объяснить, что вовсе не думала о воспитательнице, когда обливалась водой?

Стася Белинская, услышав такое заявление Ани, фыркнула:

– Вот именно, не думала! Думаешь только о себе, своем успехе. Ты так и Екатерину Оттовну подвести сможешь.

Это было совсем обидно, тем более после успешного спектакля хорошо станцевавшую Стасю Белинскую государь не просто пригласил за свой стол, но и усадил на колено, расспрашивая о трудности танца. Павлова просто разрыдалась, ей так хотелось быть на месте Стаси, судьба казалась несправедливо безжалостной!

Горькие слезы тоненькой девочки заметил Великий князь Владимир Александрович, брат царя и покровитель балета. Подозвал к себе, попытался усадить на свое колено, тоже стал расспрашивать, но не о танце, а о причине слез. Лучше бы не спрашивал!

Для кого-то премьера «Щелкунчика» была триумфом, а для маленькой Ани обернулась настоящим горем – и танцевать не получилось, и унижение пережила, и другие из-за нее пострадали.

Это был поистине «последний чай» императорской семьи в училище.

В следующем году государь стал болеть – сказала травма, перенесенная во время крушения императорского поезда в Борках, доктора требовали больше отдыхать, чаще выезжать на воды, а в 1894 году здоровье Александра III пошатнулось окончательно. Еще летом он старался вести обычный образ жизни, а осенью его не стало. Огромный, сильный человек, разгибавший руками подковы, умер от болезни почек в октябре.

Россия замерла в трауре.

Санкт-Петербург в черном, траурным крепом занавешены фонари, черные полотнища свисали из окон, дамы притушили цвет своих нарядов, не слышна музыка, отменены спектакли театров... В день, когда из крымской Ливадии привезли тело скончавшегося государя, весь Петербург высыпал на Невский – провожать его в последний путь.

И вдруг известие, в которое не сразу поверили: траур будет прерван на один день, чтобы состоялось венчание нового государя Николая II Александровича с принцессой Алисой Гессенской. Венчание во время траура? Неужели нельзя подождать до окончания траурного года?

Венчание прошло в соборе Зимнего, свадебных торжеств не было. Но все равно осудили, в первую очередь новую императрицу, мол, появилась в Петербурге вслед за гробом, словно сама смерть принесла. Пророчили из-за этого большие беды. Говорили, что не зря «эту немку» так не любит вдовствующая государыня Мария Федоровна, что государь под каблуком у молодой жены...

А еще в театре ... злорадствовали по поводу Кшесинской, мол, для нее закончилось покровительство, государыня не позволит привечать ту, которая могла составить ей соперничество! Казалось, карьера Матильды Феликсовны погублена, многие сторонники и даже поклонники Кшесинской переметнулись на сторону Преображенской.

Аня была в среднем классе и понимала далеко не все, что происходило за кулисами театра и в училище, но не заметить такой смены интересов не могла. Однажды она громко поспорила с Любой Петипа, которая терпеть не могла Матильду Кшесинскую. Девочки разделились, но теперь у сторонниц Преображенской был явный перевес.

И тут Кшесинская доказала, что похоронили ее рано. Сначала прима уехала на пару месяцев танцевать в Монте-Карло, мотивируя это нежеланием терять форму из-за отсутствия спектаклей в Мариинском. Оттуда перебралась в Варшаву танцевать с отцом и сестрой. Люба Петипа ехидно кривила губы:

– Не вернется. Удрала, поджав хвост. Не зря папа ее не любит.

Но Кшесинская не просто вернулась, а принялась репетировать! Она упорно добивалась от Мариуса Ивановича восстановления балета «Эсмеральда», в котором желала танцевать заглавную партию. И снова всезнайка Люба хваталась за голову и закатывала глаза:

– Ах, боже мой! Ну какая Эсмеральда?! Ей бы в кордебалете удержаться.

Покровительство Кшесинской со стороны государя если и было, то незаметное, а вот Великие князья Владимир Александрович, Сергей Михайлович и Андрей Владимирович свою балетную зазнобу не забыли. Кшесинская добилась даже участия в коронационных спектаклях в Москве.

– Ее туда и переведут! Будет танцевать в Большом в Москве. Поделом! – пообещала Люба Петипа и снова ошиблась.

Кшесинская добилась роли в коронационном спектакле, для чего пришлось сочинять отдельную музыку и ставить отдельный танец, но в Москве не осталась. Ее место в Мариинском театре, и уступать это место Матильда Феликсовна никому не желала. Она осталась примой-ассолютой и по-прежнему диктовала свои условия директору театра, заставляя замолкать злые языки.

– Мамочка, она права – для артистки не должно существовать ничего, кроме танца! – блестя глазами, убеждала Аня Любовь Федоровну. Та не возражала, хотя, как и все, была наслышана о покровительстве Кшесинской со стороны Романовых.

Аня понимала мамино молчание и горячилась еще больше:

– Мамочка, она действительно прекрасно танцует! Она первая после Леняни сделала эти самые тридцать два фуэте. Никто больше не может, только она и Леняни.

– Это так важно для балерины?

– Тридцать два фуэте? Возможно, нет, но Матильда Феликсовна сумела доказать, что русские балерины не хуже итальянских. А я докажу, что лучше, во много раз лучше! Вот увидишь – докажу! И меня будут называть первой Павловой, а не второй.

Да, в этом Кшесинская тоже могла показать пример Ане. Если в театре или училище уже бывала девушка с такой же фамилией, то младшую называли второй. Одна Павлова была, потому Аня стала Павловой-второй. Но ведь и Матильда была Кшесинской-второй, у нее танцевала старшая сестра, причем считалась красавицей и была корифейкой. Превзойти сестру трудней, чем чужую девушку, Аня не сомневалась, что превзойдет и станет единственной Павловой!

Пожалуй, только сестер Петипа не звали по номерам, они так и были Машей, Верой, Любой и Надей. Это тоже придавало важности Любе Петипа.

С трауром или без время катилось вперед. За траурной осенью последовала тихая, скучная зима, потом весна, когда и выпуск ничем особенным отмечен не был. Их отпустили на каникулы и даже позволили пожить дома, тысячу раз напомнив, чтобы не оставляли ни единого дня без экзерсиса.

Дома, увидев, как Нюрочка истязает себя у длинной палки, прибитой к стене, бабушка плакала:

– Да зачем он и нужен ваш балет, так дитя мучить!

– Это экзерсис. Если заниматься каждый день, то тело привыкает и выполняет все движения легко.

Аня уже встала на пуанты, которые ей совершенно не нравились.

У изящной атласной туфельки жесткий носок, куда вставлен картон, набита пропитанная клеем вата и еще много что. Это нужно для опоры пальцам. Стоять очень больно, но без этого никак.

Младшие ученицы танцевали в мягкой обуви, в средних классах уже выдавали пуанты, а старшим эта красота и боль обязательны. Пуанты страшно уродуют пальцы ног, они быстро

приходят в негодность, атлас обтрепывается, бывают спектакли, когда и по две пары стирают, те самые тридцать два фуэте (со временем стали делать много больше и серьезно усложнять сами обороты) «съедают» носок пуанты до гипса.

Все так, но самое неприятное не это – пуанты обувь шумная, жесткий каркас просто грохочет.

– Как медная кастрюля! – ужаснулась бабушка, услышав топот внучки.

– А ведь ты права, – рассмеялась Аня.

Она и сама не раз задумывалась, что слышат зрители в первых рядах и как сделать, чтобы пуанты не громыхали. Сколько ни думала, ничего, кроме удаления жесткого картона, не придумала. Но стоять просто на пальцах невозможно.

Неожиданно подсказала мама:

– А если вместо гипса насыпать песок?

– Он будет высыпаться через швы, но я придумаю что-то похожее.

Расту, я расту!

Аня переходила в старший класс – к Павлу Андреевичу Гердту, тому самому, что танцевал принца Дезире в столь впечатлившем ее спектакле «Спящая красавица».

Гердт много танцевал сам и учил уже не просто технике, но ролям. В старших классах девочки вставали на пуанты, и Аня предвидела проблемы.

Любовь Федоровна разглядывала странные балетные туфельки дочери, в которых той предстояло отныне танцевать.

– Нюрочка, как же можно? В них не только танцевать – ходить неудобно!

– Мамочка, ходить и впрямь неудобно, но вот фуэте крутить без такого носка невозможно.

– Что такое фуэте?

Приходилось объяснять, что обороты вокруг себя, стоя на пальцах одной ноги, это и есть фуэте. Чем больше их делаешь, тем выше техника.

– Как это – встать на пальчики одной ноги, да еще и поворачиваться? Но это невозможно!

– Возможно, мамочка, Леняни вон тридцать два оборота делает. И Матильда Кшесинская тоже.

– А партнер вокруг бегают?

– Не-ет... Нужно подняться на пальцы и поворачиваться, помогая себе второй ногой в воздухе.

– Не представляю!

К сожалению, показать Аня не могла, для фуэте нужно не просто стоять на пуантах, но и много тренироваться, чтобы удерживать равновесие. Из российских балерин это удавалось только Кшесинской. Но ни Леняни, ни она секрет не раскрывали.

– Знаешь, сколько раз все падают, пока не получится хотя бы десяток оборотов! А они тридцать два крутят, а могут и больше.

– Так в чем секрет?

– Не знаю, мамочка, но я обязательно узнаю и научусь!

– Может, подсмотреть? Или подкупить кого?

Аня нахмурилась. Ей совсем не нравился такой способ обучения.

– Нет, я сама научусь. Но сначала надо вообще на пуанты встать. Знаешь, Павел Андреевич заставляет танцевать на полупальцах или вообще без обуви в одном трико.

– Зачем?

– Говорит, чтобы ноги крепче были. Пальцы. Тальони танцевала без твердого носка и выглядела очень легкой.

– И тридцать два этих фуэте крутила?

– Нет, мамочка! – рассмеялась Аня. – Фуэте придумали недавно. У нас первой показали итальянки, а теперь Кшесинская научилась. Ничего, скоро и мы научимся.

– Дай-то бог...

Аня снова и снова рассматривала свои ступни. Ноги ее гордость и беда. Форма прекрасная, узкая щиколотка хороша, мышцы рельефны, но в меру, сами ноги длинные. Но то, что издали смотрится прекрасно, доставляет много неудобств.

Любовь Федоровна не понимала:

– Чем же не хороши твои ножки, Нюрочка? По мне так лучше некуда.

Пальцы. Смотри, мамочка, у других большой и средний одинаковы или средний даже чуть больше. Но он легко сгибается в фаланге, и пальцы встают вровень. На них удобно стоять. А у меня пальцы длинные, особенно большой.

– А подогнуть его нельзя?

– Нет, мамочка, он просто сломается.

– Так что ж, тебе нельзя танцевать?

– Можно, только это больней, чем другим, и ноги нужно тренировать, чтобы пальцы были сильными-сильными.

Любовь Федоровна только вздохнула – сама Нюрочка словно былинка, куда уж тут сильные ноги тренировать...

А Аня не стала говорить маме, что невозможность танцевать на пуантах означает невозможность крутить фуэте или просто прыгать на носках, что это почти наверняка место «у воды», поскольку в театре победила техничность, итальянские актрисы вытеснили воздушность Истоминой или Тальони, теперь без умения выполнять эффектные па в главных ролях не выпустят.

– Я справлюсь, у меня будут очень сильные ноги! Такие сильные, чтобы целый спектакль не опускаться с пуантов!

Забегая вперед, можно сказать, что справилась. Анна Павлова знаменита своим умением «жить на пуантах», причем это выглядело так, словно не стоило ей никаких усилий. Но технически сложные па она все равно не любила и фуэте не крутила, считая, что демонстрация техники отвлекает зрителя от самого танца. Техника не должна быть видна, и даже если она блестящая, блистать ею не стоит.

Они присутствовали на репетициях ведущих артистов в зале, тихонько затаившись на небольших диванчиках у стен. Это не было нарушением правил, требовали только не шуметь, чтобы не мешать. А репетировали-то!.. Обожаемый всем училищем Павел Андреевич Гердт с примами – то Леняни, то Кшесинской, то Преображенской.

В такие минуты казалось, что у Павловой оставались одни глаза, она вся превращалась в слух и внимание, впитывала каждое движение танцоров, как хорошая губка воду. Но замеченное, подхваченное у тоненькой девочки не уходило в песок.

– Павел Андреевич, откуда такое чудо? – прошептала Леняни.

– Моя ученица. Удивительная девочка.

– А как техника?

Гердт нахмурился:

– Для нее не это главное. В Павловой есть что-то, что выше техники – природная грация. Ей не нужны сложности, без того очарует.

– Ноги хороши, – кивнула Леняни. – Но с таким подъемом держать ногу трудней, я знаю.

Пьерина Осиповна была права – ноги Павловой всегда были ее достоинством и проблемой, но она справилась.

Гердт не стал рассказывать, что только вчера работал с Павловой отдельно для того, чтобы отвлечь от грустных мыслей. Пальцы пока еще не выдерживали прыжки, и Аня чуть не плакала, без конца повторяя и повторяя неудавшийся пассаж. Ноги уже стерты в кровь, каждое движение приносило сильную боль и разочарование, но она не сдавалась.

Это увидел случайно заглянувший в репетиционный зал Гердт. На мгновение задумался, что-то прикидывая, и вдруг позвал ученицу к себе:

– Аннушка, техника не все и иногда не главное, хотя очень нужна и важна. Но технике можно в конце концов научиться.

– Я научусь, – стараясь не разреветься, обещала Павлова.

Учитель улыбнулся:

– С вашим упорством? Не сомневаюсь. Только ноги не погубите, пожалуйста. А пока я хочу показать вам кое-что из прежнего.

Он подошел к концертмейстеру и что-то тихо напел. Тот кивнул, пробежался пальцами по клавишам, попробовал несколько аккордов...

– Аннушка, в балете «Наяда и рыбак» Ундину когда-то танцевала великая Гризи. Вы не хотите попробовать ее танец с тенью?

– Что?

Гердт объяснил суть: Ундина, влюбленная в земного юношу, заманивает ее возлюбленного в воду и сама принимает ее облик, но при этом становится смертной. Не понимая, что с ней происходит, и видя собственную тень, Ундина решает, что это соперница, и пытается попросту оторваться от собственной тени.

Аня пришла в восторг от возможности станцевать все это!

Встреча с собственной тенью для той, которая еще вчера вообще была невидима...

Гердт показывал движения, аккомпаниатор наигрывал мелодию, а Павлова уже жила тем, что должна танцевать. Павел Андреевич не ошибся – лучшей Ундины и желать нельзя! Замерли все в репетиционном зале, притихли сидевшие на диванах и стоявшие у палки – Павлова играла со своей воображаемой тенью. То, как она вообще замечала, что от ноги по полу что-то тянется, как замирала, потом пыталась убежать, оторваться, прыгая, ведь только в прыжке тень на мгновение отставала, – заставляло невольных зрителей забывать обо всем остальном.

– Прекрасно, Аннушка! Вот ваша сильная сторона – жить ролью, а не показывать разные трюки. Вот это и запомните.

Он так и обучал Павлову:

– Для выразительности вовсе не нужны акробатические умения, важнее грация, ей не научишься. А вам дарована Богом. Цените это.

– Но мы столько лет учимся сложным па.

– Нужно иметь хорошую технику, чтобы ее можно было показать. Нужно иметь прекрасную технику, чтобы уметь ее скрыть. Но нужно блестяще владеть техникой танца, чтобы вообще о ней забыть. Когда вы забудете – сможете танцевать так, как душа пожелает и что пожелает. Только не старайтесь ставить владение разными приемами на первое место, ваша сила в выразительности.

Мудрый танцор был прав, Павлова научилась всему, но использовала только то, что ей в данный момент требовалось. Это было ее сильной стороной.

Выпускной...

Ради этого спектакля, ради того, чтобы показать себя перед императорской семьей в лучшем виде, ученицы трудились столько лет. Если не заметят, не пригласят в Мариинский, в крайнем случае, не отправят в Большой театр в Москву, то куда деваться – непонятно. Конечно, выпускницы без работы не оставались, но каждая мечтала о главных ролях и аплодисментах именно ей, а не топтании на месте «у воды». Их всех определяли в кордебалет, это правило, но при этом одни получали возможность танцевать в па-де-де или па-де-труа, а другие действительно вставали в последний ряд кордебалета.

Как легенду из уст в уста передавали рассказ о том, как Матильду Кшесинскую на выпускном спектакле заметил сам император (предыдущий) и даже усадил ее рядом с наследником. Конечно, история была раздута донельзя, болтали, что у Кшесинской случился роман с наследником, а ныне императором, что после того и началось ее восхождение...

Девочки не вытерпели и однажды открыто поинтересовались у Екатерины Отговны. Вазем такие разговоры терпеть не могла, но ответила:

– Вы знаете мое отношение к Матильде Феликсовне, я его не скрываю. Не одобряла и никогда не смогу оправдать ее склонность к использованию покровительства императорской семьи, любовь к богатым подаркам и стремление идти напролом, но признаю ее талант и трудолюбие. Матильда Феликсовна заслуживает аплодисменты, которые получает.

Поклонницы Ольги Преображенской оскорбленно поджали губы, а кто-то из сторонниц Кшесинской запальчиво поддержал похвалу:

– Конечно, она и саму Леняни сумела выставить вон!

Павлова услышала, как Вазем пробурчала себе под нос:

– Еще бы! С помощью такого покровительства...

Павлова была в числе поклонниц Кшесинской, ей нравилась легкость, с которой прима делала все – танцевала, кокетничала, приказывала, блистала. Ольга Преображенская, возможно, не менее талантлива и с прекрасной техникой, но до уверенности Матильды Феликсовны ей далеко. Гердт однажды сказал, что неуверенной балерина может быть только пока не вышла на сцену, а когда танцует, все должно отступить на задний план. Любую неуверенность зрители почувствуют, это испортит впечатление от танца.

– Если даже не знаете, что именно танцевать в следующую минуту, или не готовы выполнить требуемое па, просто танцуйте то, что подсказывает музыка. Это лучше, чем запинаться.

Именно таковой была Кшесинская, при выдающемся трудолюбии (будучи примой, она брала уроки у Чекетти и Йогансона и каждый день подолгу простаивала у палки) она делала все, чтобы именно труда в ее танце и не было видно. Казалось, Матильде Феликсовне любое па дается легко, хотя все знали, сколько синяков было набито, пока она не поняла секрет знаменитых тридцати двух фуэте, которые раньше выполняла только Леняни.

А еще Ане нравилось, что Кшесинская старается отвоевать сцену у итальянок для российских балерин. Правильно, ни к чему приглашать чужих прим, разве мало своих талантливых балерин?

Выпускной спектакль всегда готовили особенно тщательно, так было и в этот раз.

Павел Андреевич Гердт принял гениальное решение, чтобы продемонстрировать таланты своих учениц, которых выпускал из училища. Ставка делалась на троих – Станиславу Белинскую, Любовь Петипа (Петипа-3) и Анну Павлову (Павлову-2, одна Павлова в балете уже служила, хотя больших успехов не демонстрировала). Для этого он не стал выбирать один балет или даже заказывать музыку нового, а просто составил целый спектакль из кусочков других балетов.

Вставки па и даже больших сцен из чужих спектаклей, как и их безжалостная переделка не только не считались плагиатом, но и приветствовались, удачные находки мгновенно тиражировались и заполняли давно известные и новые спектакли.

Так поступил и Павел Андреевич – он скомпоновал разные па из балетов Пуни, чтобы музыка была в одном стиле. В этом спектакле-картинке было все, что полагалось, – молодой граф с бедным другом, старый дворецкий с молоденькой очаровательной дочерью, баронесса с подругами, гувернантка, крестьяне и крестьянки и много-много разных танцев, позволяющих продемонстрировать технику выпускников и их готовность танцевать партии в уже идущих на сцене балетах. Название у спектакля тоже незатейливое – «Мнимые дриады».

Роль дочери дворецкого Гердт, не раздумывая, отдал Павловой. Аня поняла, что это ее звездный час, первый из большой-большой череды.

Матильда Кшесинская очаровала своим танцем девять лет назад, с тех пор многое изменилось: Мариус Иванович Петипа сдал свои позиции, хотя еще готовил спектакли и оставался самым большим авторитетом в российском балете, нынешний император Николай II балетом увлекался мало, его дядя Великий князь Владимир Александрович, всегдашний покровитель балетной труппы Мариинки и училища заодно, все больше времени проводил за границей на отдыхе или лечении, и хотя интерес к балетным спектаклям не снизился, залы были полны восторженных почитателей, пробиться на сцену новеньким становилось с каждым годом трудней.

Императорскую чету на выпускной спектакль ждали с нетерпением.

Перед генеральной репетицией, когда они разогревались, Люба Петипа вдруг невесело рассмеялась:

– Мы зря ждем. Не придут!

– Почему? – настороженно поинтересовалась Аня. Не может быть, чтобы судьба так жестоко обошлась с ними.

– Да ведь государыня почти на сносях, говорят, не встает с постели. А государь без нее ни на какой балет не пойдет. Марии Федоровны в Петербурге нет, остальным не до нас.

Наверняка Люба слышала такие речи дома, Мариус Иванович знал о положении дел, но Ане так хотелось верить, что случится чудо и императорская семья будет на выпускном спектакле!

Ну почему в жизни всегда сбываются худшие ожидания и никогда – лучшие?!

Люба, конечно, оказалась права – государыня болела, и никто приехать на спектакль не смог. Был только министр двора барон Фредерикс.

Роскошные усы барона, хотя и вызвали всеобщий интерес и восхищение, заменить императорскую семью в учебном театре не могли. Остальные не раз видели всех учеников – от выпускниц до первоклашек, а потому спектакль получился домашним.

Привычная сцена, привычная публика, привычные па... А на выпускном хотелось чего-то совершенно особенного. Но жизнь прозаична даже в театре.

Может, потому Аня не так уж сильно переживала из-за невозможности блеснуть перед императорской четой, что главная роль снова была не у нее...

Учебный театр не сцена Мариинского, хотя за годы учебы привыкли и к черноте огромного зала главного театра страны, и к взрывам аплодисментов, и к напряженной тишине тоже. В зале кроме неперменных родителей, причем родителей всех классов, сидели Мариус Иванович Петипа (тоже родитель Любы), Иванов и артисты Мариинки. Аня увидела в первом ряду рядом с бароном Фредериксом и Петипа Матильду Кшесинскую. Кшесинская сама танцевала Лизу, и ей, конечно, было интересно посмотреть на исполнение Стаси.

Вообще-то она уже видела и даже в чем-то Белинской помогала, пока они репетировали в зале. Сама Стася бывала на репетициях Матильды Феликсовны, потому ничего нового ни та, ни другая увидеть не могли. Но в щелку занавеса Павлова увидела взгляд, которым Кшесинская сопровождала удачно выполненную Белинской вариацию. Что-то в этом взгляде не понравилось Ане. Стася не могла составить конкуренцию всеильной Кшесинской, да и тягаться в исполнении с примой тоже не могла – Матильда Феликсовна действительно лучшая, но то, как прима следила за выпускницей, подсказало Павловой, что Белинской будет трудно в театре.

Танцуя свое па-де-труа, Аня старалась не смотреть в зал, чтобы не наткнуться на такой же взгляд. И все же не выдержала – посмотрела. Кшесинская улыбалась, оценивала, но вовсе не неприязненно, напротив, очень благожелательно. Кольнуло самолюбие: не считает достойной соперницей? Если так, то Аня предпочла бы неприязнь примы, чем ее благоволение.

Последний ученический спектакль! Дальше только работа в театре.

Все знали, что их берут в Мариинку, и все равно волновались.

Аплодисменты казались нескончаемыми, но радовали больше младших, которые с видимым удовольствием кланялись и кланялись. Поклонам балетных учат с первых дней, умение красиво уйти и красиво кланяться, чтобы зрители не чувствовали себя обиженными, но и не устали от ожидания, когда же исполнительница удалится, много значит.

К Павловой подошла Екатерина Вазем.

– Аннушка, ты великолепна!

– Спасибо...

– Легка, изящна, – продолжила Екатерина Оттовна. Ее поддержал Гердт:

– Аннушка, еще раз повторю, хотя твердил уже не раз: твоя сила не в технике, а в душевности, в легкости. Ты возрождаешь танец Тальони, не пытайся повторить Леньяни.

Пришел поздравить выпускниц с прекрасным исполнением и Лев Иванович Иванов. Помощник Мариуса Петипа, может, и неважно учил своих подопечных, но он умел радоваться их успехам.

– Поздравляю, вы прекрасно справились со своими ролями! После Пасхи состоится ваш дебют в Мариинском театре.

– Чей? – не сговариваясь, в один голос спросили Павлова и Белинская.

Вокруг рассмеялись. Иванов кивнул:

– Обоих. Будете танцевать па-де-труа с кем-то из опытных танцоров.

Девушки победно улыбнулись, обе считали себя достойными отдельных и даже главных ролей в Мариинском театре, хотя в душе все считают так же, но слишком многие попадают в кордебалет и даже «к воде».

Подошла Кшесинская, поздравила, прижалась к каждой щекой к щеке, демонстрируя свое расположение. Аня даже усомнилась, не показался ли ей тот напряженный взгляд примы. «Показалось» – решила Павлова и с головой окунулась в поздравления и пожелания.

Всех порадовал барон Фредерикс, объявивший, что исполнители награждаются трехдневными каникулами. Это вызвало бурю восторга у младших, для старших спектакль уже подвел черту под официальной учебой.

Но еще до начала нового сезона у выпускниц состоялось выступление в спектакле – 21 апреля состоялся бенефис кордебалета, давали «Коппелию» и «Привал кавалерии». Во второй спектакль Гердт умудрился вставить па-де-катр и отдельные вариации четырех теперь уже бывших учениц.

И до конца месяца еще дал возможность танцевать па-де-сикс в «Тщетной предосторожности».

– Павел Андреевич, вы столь настойчиво вводите своих учениц в спектакли. Что же будет, когда они закончат учебу и выйдут на сцену Мариинского как кордебалет? – поджимали губы давно засидевшиеся у воды кордебалетные.

И всегда сдержанный Гердт ответил так, что все замолчали:

– Не беспокойтесь, вам они соперницами не будут. Эти три девочки будут соперницами Леньяни и Кшесинской.

В ответ ахали, передавали слова примам в надежде, что те приструнят «зарвавшегося» танцовщика.

Приструнить было нелегко, Павел Андреевич, несмотря на свой возраст, все равно первый, лучший. Он красив, импозантен и отменно техничен. А для танцоров в балете большего не требовалось, танцор всего лишь партнер балерины, он нужен, чтобы оттенить ее, а еще больше – поддержать, подать твердую руку, помочь прокрутиться во время па-де-де и изобразить несчастную или счастливую в зависимости от воли балетмейстера любовь. Гердту это удавалось лучше, чем другим, его обожали все – публика, балетмейстеры, коллеги и партнерши, ученицы, швейцары, костюмеры, парикмахеры...

Они столько лет, столько дней и ночей ждали этой воли, многие вычеркивали даты в календариках, пересчитывали оставшиеся дни, без конца сверялись, а потом, когда осталось совсем немного, и вовсе хором декламировали нужное число. Воспитательницы делали вид, что не догадываются, что это за речевки.

И вот 25 мая 1899 года наступило.

Все так просто – неделя до конца весны и воля вольная.

Конечно, все понимали, что придется много трудиться, репетировать и выступать, но все это казалось таким далеким! Утром вставали не спеша, умывались тоже. Все делали, свысока поглядывая на младших, особенно тех, кому предстояло учиться еще несколько лет. В репетиционном зале с несколько ленивым видом вставали к палке и так же, словно нехотя, выполняли экзерсис.

И о чудо! – тела не желали лениться, мышцы вспоминали урок и двигали руки-ноги вовсе без лени!

У Павловой такой вопрос не стоял, она танцевала потому, что нравилось танцевать, выполняла экзерсис потому, что получала от этого удовольствие, соблюдала режим и нагрузку потому, что не могла без них жить.

А теперь никаких уроков – только танец, хоть весь день после репетиций и выступлений танцуй. Это же счастье! Самостоятельная жизнь вообще казалась сплошной радостью и удовольствием.

По выпуску теперь уже бывшие ученицы получали на обзаведение гардеробом по сто рублей серебром.

Сумма казалась огромной, но если не экономить, могла улететь на мелочи. Много лет в училище на всем готовом, когда все за тебя решено, даже то, во что одеваться и что обувать, и вдруг возможность выбирать самим! У девушек закружились головы, редко видевшие обычную жизнь вне дортуара и театральных кулис, пепиньерки едва ли были способны правильно распределить «свалившиеся» на них деньги.

– К тому же, мамочка, теперь я буду получать не меньше ежемесячно! – счастливо восторгалась Аня.

Она права, даже зарплата танцовщицы кордебалета чуть меньше ста рублей в месяц.

А еще обувь и театральная карета. Не каждой своя, но зеленые кареты собирали актрис до спектакля и развозили по домам после. У балерин собственные экипажи, не станут же Кшесинская или Преображенская ездить в общей! А вот корифейки и кордебалет ездили в большой, и приходилось подолгу ждать, когда отвезут первую партию и вернутся за следующей.

В театр Павлова решила приезжать сама, а возвращаться поздно вечером в театральном экипаже, как бы тот ни напоминал училищный.

Грим и украшения свои, костюмы шили по эскизам театральных художников, но если балерин не устраивало качество, например, ткани, то заказывали сами. Кшесинская выступала в своих, но ей можно, у нее богатые покровители.

Но прежде всего следовало купить одежду вне сцены, ведь у бывших пепиньерок такой просто не было! И тогда оказалось, что сто рублей совсем небольшая сумма, ведь нужны еще туфли, ботинки, шляпки, да и холода скоро, не успеешь оглянуться, как потребуются и шубка, и муфта, и теплое платье. Да не одно, не станешь же всякий раз появляться в театре в одном и том же!

И не только в театре...

Это ощущение внезапной свободы может понять только тот, кто долгие годы жил в строгих рамках отдельно от остального мира, или птица, выпущенная из клетки, когда она уже и забыла, что можно махать крыльями. Наверное, выпускницы училища выглядели странно, они старались узнать и испытать все, что пропустили за время невольного затворничества. Из училища не выпускали до восемнадцати лет, если девушка была моложе – оставляли еще на год. Хотя бывали исключения, например, Тамара Карсавина, но за нее очень просила и ручалась мама, ведь будущий заработок танцовщицы кордебалета для семьи был важен.

Ане восемнадцать уже исполнилось, хотя выглядела куда моложе – тоненькая, как стебелек, порывистая, словно устремленная куда-то вперед и вверх, с по-детски восторженными глазами...

Первый собственный адрес: Надеждинская, дом 3. Нет, не весь дом, куда там! Небольшая квартира, зато почти на углу с Невским.

Зачем ей переезжать, не объясняла. Любовь Федоровна понимала, что дочери просто хочется воли, но она сама столько лет лелеяла мысль о том, как станут жить вместе, пусть не на Коломенской, где так пахнет прачечной, пусть даже в этой квартире на Надеждинской, но вместе. Мать бы еду варила, стирала, убирала, гладила, пока дочь своим балетом занимается.

А она вот так легко:

– Буду жить в этом доме!

Когда Аня перебралась со своими небольшими пожитками в отдельное жилье, Любовь Федоровна долго жаловалась подружке-соседке:

– Я разве бы ей помешала? Я бы только помогала...

Мария Степановна вздыхала и по плечу гладила:

– Дети всегда так, Любушка. Они на волю, словно птички из родного гнезда, рвутся. И улетают обязательно. Нюрочка твоя еще хорошо – на свои хлеба ушла. А ну как дите бы тебе в подоле притащила, тогда что?

– Типун тебе на язык! – возмутилась Любовь Федоровна.

– А ты как же будешь? Говорила, мол, справка заканчивается...

Справка, полученная у волостного старосты (странная справка, если честно: о том, что солдатская жена Любовь Федоровна Павлова с дочерью от первого брака Анной уволена в разные города и селения Российской империи сроком на год), и впрямь скоро закончится. Где тогда получать документ, чтобы чувствовать себя вольно?

Нет объяснения ни этой справке, ни изложенных в ней фактов. Почему Аня числилась дочерью от первого брака, но фамилию носила ту же, что и мать? Почему Любви Федоровне пришлось выходить замуж снова и где жил этот самый второй муж – запасной солдат Матвей Павлович Павлов, если бумага выдана волостным старшиной Осеченской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии солдатской жене из деревни Бор?

Деревня Бор километрах в двадцати на восток от Вышнего Волочка посередине между Санкт-Петербургом и Москвой. Почему там оказался отчим Ани, если она родилась в Петербурге? Где все годы жила Любовь Федоровна, неужели в деревне? Но Павлова вспоминала только о доме в Лигово.

Что-то не стыкуется в биографии Анны Павловой до самого окончания училища, но она не желала, чтобы тайна была раскрыта, потому приходится принимать, как есть. После окончания учебы она жила в Петербурге по четырем адресам: на Надеждинской в доме 3 (потом улицу называли улицей Маяковского), на Свечном переулке, на Коломенской и в «Доме-сказке» на углу Английского проспекта и Офицерской (теперь Декабристов). Дом на Надеждинской рядом с Невским проспектом, а на Свечном и Коломенской неподалеку от Владимирской площади. Все дворы не колодцы, дома вполне приличные, хотя и небогатые. А о квартире в «Доме-сказке» (прозвище дано не зря) рассказ будет отдельно в свое время, она того стоит.

– Мамочка, я артистка и буду танцевать на сцене Мариинского не как ученица, а как корифейка! Понимаешь, сразу как корифейка!

Любовь Федоровна уже давно знала, что сначала все поступают в кордебалет с минимальной зарплатой, некоторые со временем поднимаются до корифеек, редкие становятся солистами – вторыми и даже первыми, и только балерин можно пересчитать по пальцам одной руки.

А примы так и вовсе две – Кшесинская и Леняни. Градация была и в зарплатах – у кордебалета 1200 рублей в год, а у балерин 5000. Конечно, подарки и премии не в счет.

Осторожно поинтересовалась:

– Нюрочка, и зарплата как у корифейки?

Дочь изумленно распахнула глаза:

– Не-ет... Наверное, нет. Но главное – мы со Стасей танцуем в «Тщетной предосторожности» па-де-труа, а партнер Георгий Кякшт!

Георгий Георгиевич Кякшт окончил училище, когда Павлова только поступала туда, танцевал все больше па-де-де и па-де-труа в отдельных номерах, но обращался с двумя выпускницами так, словно это были первоклашки. Малейшая неточность вызывала презрительную гримасу на его женственном лице. Стася даже проворчала:

– Словно сам родился сразу солистом и ничему не учился...

С Кякштом они выступили всего один раз, потом его заменил такой привычный и веселый Миша Фокин. Вот радости-то было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.